

Лирика и проза Бориса Блоха

Концерт в БЗК

Пианиста Бориса Блоха, нашего бывшего соотечественника, гражданина США, ныне проживающего в Германии, частым гостем в России не назовешь. Нередко он появляется на Украине, в прошлом году в родной Одессе отметил 50-летие. Москву же посещал четыре года назад, играл в Малом зале Бетховена и Шуберта. Разбавил хорошо знакомую музыку раритетами: "Я всегда стараюсь делать программу так, чтобы найти баланс между произведениями, которые по каким-то причинам менее знакомы, и популярными". Приехав вновь, привез малоизвестный 26-й концерт Моцарта, "Испанскую рапсодию" Листа в оркестровке Бузони, даже нот ее в Москве не оказалось (заказывали голоса). Лист – "визитная карточка" Блоха, его трактовки произведений венгерского романтика были премированы Обществом Листа в Будапеште.

Еще возникла идея сыграть в Москве что-то из неизвестного Чайковского. Таковым оказался так называемый Третий концерт в трех частях, первая из которых самим композитором была отнесена к искомому жанру, а вторая и третья складывались Танеевым мозаикой по эскизам неосуществленной симфонии, увы, с резкой прорисовкой "швов", избытком "общих мест" и дефицитом индивидуализированного тематизма. Марк Горенштейн, вставший (впервые) за пульт оркестра Московской филармонии, заметил, что "если бы и не играли третью часть Концерта Чайковского, ничего бы не случилось. Хорошо еще, убрали разработку, а то вообще слушать было бы невозможно. У каждого композитора были свои неудачи, и это одна из них. Другое дело – концерт Моцарта: как мало нот, а какая гениальная музыка!"

Вообще популярную классику Блох тоже жалуется: "Если мне есть что сказать в известном сочинении, я не боюсь его брать – значит что-то нашел свое. Наверное, каждый из нас находит в классике что-то созвучное современной эпохе, подобно тому, как современный режиссер ставит классическую пьесу". С современностью прочтения Блох не переборщил. Ученик Д.Башкирова, он очевидный наследник старой доброй исполнительской традиции с ее ориентиром на XIX век и обусловленным им приматом легато, гиперлиричностью и экспрессией, внедренной априори в произведения любой эпохи, густой и щедрой педалью, некоей сглаженностью артикуляционных контрастов и привычностью звуковых красок единой цветовой гаммы.

К нам пианист прибыл с добротной подготовленной программой, прочувствованной и продуманной.

Точно зная что и как, на компромиссы не шел. Трижды убежал на такт, не имея ни малейшего снисхождения к оркестрантам и не желая наблюдать, как свобода выражения становится свободой от такта и метра. Увы, выбирая для концерта в БЗК раритеты, маэстро Блох рисковал. Речь не об опасности не увлечь публику незаслуженно, по мнению музыканта, забытыми опусами (не выше ли риск не угодить трактовкой или не сказать своего слова в шляжере?). Проза жизни такова, что приемлемое (куда уж идеальное!) прочтение нот с листа нашими оркестрами мифологично. А затевать серьезный репетиционный процесс ради единственного выступления заезжего, пусть интересного, но с не слишком громким именем музыканта, как-то непривычно.

Татьяна ДАВИДОВА

Кучм.Тура-2002-11-18дек-с.10